

Германский неоимпериализм в "объединенной Европе": миф или реальность?

Венцель Сергей Владимирович

Студент (бакалавр)

Южный федеральный университет, Факультет социологии и политологии,
Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: wenzel.sergei1994@yandex.ru

Политические и социально-экономические катаклизмы в современной Европе существенно изменили геополитический расклад на европейском континенте и способствовали переосмыслению собственной роли в политике практически у каждого европейского государства. В первую очередь это касается Германии, государства со сложной и противоречивой политической историей.

После Второй мировой войны Германия, будучи разделенной на два государства, утратила возможность реализации самостоятельной внешней политики. Для обоих германских государств новой чертой внешней политики было выстраивание стратегических отношений с СССР или США, а также членами их коалиций. Следующим этапом развития внешней политики ФРГ стало проведение новой восточной политики, которая окончательно ликвидировала доктрину Хальштейна. Объединение Германии способствовало трансформации внешнеполитического мышления немецкой элиты в пользу большей самостоятельности и поэтапной активизации деятельности Германии за рубежом. [5] По мнению доктора исторических наук Николая Павлова, вопрос об основах внешнеполитической доктрины Германии вновь стал наиболее актуальным после парламентских выборов 2002 года в связи с его заявлением в Бундестаге о том, что жизненно важные вопросы для Германии будут решаться только в Берлине. [1] Фактически происходит разворот внешней политики Германии от полного следования в фарватере западных политических сил к постепенному возвращению полного внешнеполитического суверенитета.

На протяжении долгого времени ФРГ оставалась верной двум столпам своей внешней политики: европейская интеграция и трансатлантическая солидарность, что выражалось в углублении связей между Германией и евроатлантическими международными организациями, в первую очередь с НАТО, одной из первоначальных целей которого сдерживание немецкого милитаризма. Первый генеральный секретарь Альянса лорд Г. Исмей когда-то сказал об истинной цели этого союза: «держат американцев поближе, немцев пониже, а русских подальше». [2] После окончания противостояния между СССР и США силы НАТО продвинулись в Восточную Европу и при этом США стали постепенно сокращать свои вооруженные силы постоянного базирования в Европе. В Берлине и Париже такие действия стали вызывать большую озабоченность, поскольку становилось ясно: без поддержки Соединенных Штатов в одиночку обеспечить безопасность в Европе Германия и Франция обеспечить не смогут. Учитывая неоднозначные результаты проводимой военной реформы Бундесвера и фактический отказ Германии от участия в военных операциях НАТО в Ираке и Ливии, Пентагон достаточно скептически относится к военному потенциалу Германии и ее возможности создать оборонную систему в Европе. Не стоит также преувеличивать роль военного фактора во внешней политике Берлина не стоит, поскольку использование немецких вооруженных сил за рубежом в ближайшем будущем маловероятно. Но тем не менее Берлин остается важным военно-политическим партнером США в Европе.

После обострения кризиса в еврозоне многие эксперты и политики начали делать заявления о скором наступлении эпохи немецкой гегемонии в Европе. Ось Берлин-Париж, в которой роль политического лидера выполнял Елисейский дворец, а немцы довольство-

вались роль экономического локомотива Европейского Союза, уже не возможна в своем прежнем виде. В ходе европейского кризиса, начало которого можно отсчитывать от провала принятия общеевропейской Конституции, мощь Берлина неуклонно росла. По мнению немецкого профессора Петера Шульца, Германия вынужденно заняла лидирующую роль в Европе в период кризисного состояния в силу того, что никто из ее европейских партнеров не решался принять на себя эту роль в силу определенных причин: Как результат, Германия вышла на лидирующие позиции. Это восприняли в Европе двояко: с одной стороны, претензии Германии на гегемонию могут превратить германофобию в общий европейский мейнстрим, а с другой стороны, многие европейские политики стали всерьез задумываться: если германская гегемония неизбежна, то чего следует больше опасаться: самой гегемонии или дальнейшей нерешительности Германии занять роль лидера Европы. Эта мысль четко отражена во фразе министра иностранных дел Польши (страны, которую трудно заподозрить в большей симпатии к немцам) Радека Сикорского о том, что он опасается «германской силы меньше, чем ее бездействия». [3]

Как пишет европейский политолог Ульрих Шпек, у Германии есть несколько опций для развития внешней политики. [] Первый вариант - полная переориентация внешней политики на обслуживание только национальных интересов, которая чревата формированием пояса недружественных по отношению к Германии государств. Второй вариант - усиление трансатлантического партнерства, которое будет требовать от Германии большей ответственности и больше активных действий совместно с западными партнерами. И третий вариант - максимальная интеграция в рамках Европейского Союза и превращение его в супердержаву, что потребует постепенного отказа от национальных интересов. Большое сомнение вызывает способность Берлина отказаться от своих интересов. Однако у всей этой концепции есть один изъян - фактическое отрицание близких отношений между Германией и Россией и фактическое вычленение России из европейского пространства, превращение ее в потенциального противника Германии.

Украинский кризис способствовал трансформации германской политики. Берлин, постепенно принимая на себя роль европейского лидера, неожиданно столкнулся с дилеммой: следовать собственным национальным интересам и взаимодействовать с Россией исключительно для своей выгоды; быть преданным трансатлантическому партнерству и следовать в фарватере санкционной и агрессивной политики США; следовать политике соблюдения общеевропейской безопасности и отстаивать интересы Европейского союза. Вероятно всего, Германия постаралась следовать всем трем направлениям, однако не учла всевозможные варианты.

Так чем же является германский неоимпериализм для Европы? Мифом или реальностью? Скорее мифологизированной реальностью, которая не может пока стать реальностью в силу ряда причин: отсутствие реальной политической воли, воздействие груза исторической вины и ответственности и страх перед возникновением различных антигерманских коалиций и комбинаций. Германия еще не обрела полный суверенитет в том смысле, что не осознала пока все свои возможности, ресурсы и пути реализации самостоятельной внешней политики. Так называемый *Sonderweg* всегда заканчивался формированием коалиций против Берлина и его поражением. Поэтому вряд ли немцы снова пойдут этой дорогой. На мой взгляд, их вполне устраивает роль «мягкого гегемона», который предпочитает военно-политическим средствам экономические и политику «мягкой силы», которая приносит ей гораздо больше дивидендов. А укрепление военной силы будет проходить в рамках институтов НАТО и общеевропейских систем безопасности, и вряд ли Берлин сможет играть в них лидирующую роль в силу неоднозначных результатов военной реформы Бундесвера.

Источники и литература

- 1) Павлов Н. Внешняя политика Берлинской республики: новый «Германский путь?» Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 2.
- 2) Махони Х. Польша боится больше «бездействия» Германии, чем ее мощи. ИноСМИ [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/europe/20111129/178775636.html> (дата обращения: 28.02.15)
- 3) Мирзаян Г. Новая роль Германии в НАТО. Аналитическое агентство «Внешняя политика» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/germany-in-nato/> (Дата обращения: 28.02.2015)
- 4) Шпек У. Внешняя политика Германии на распутье. Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Sila-i-tcel-17198>
- 5) Friedman G., Lanthemann M. A more Assertive German Foreign Policy. Geopolitical weekly. Foundation «Stratfor. Global Intelligence». February 4, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stratfor.com/weekly/more-assertive-german-foreign-policy>